

Немного солнца в холодном Ванкувере

В один из пасмурных январских дней, когда, как обычно, окна завешены серыми шторами унылого дождя, мне вдруг захотелось солнца. Захотелось радости и тепла. Захотелось уйти от однообразия сутолоки дня. И я, плюнув на все неизбежные и неотложные дела, поехал в Вайт Рок. Еще в дороге, на гладком холсте хайвэя у меня стало подниматься настроение в предвкушении встречи с Цветом. Я ехал к **Ирине Шкловер**.

Ее картины сразу бросаются в глаза: яркие, сочные, брызжащие светом и радостью. Кажется, что именно ими и греется этот небольшой домик в пяти минутах от побережья. И как бы не злился дождь, как бы не буйствовал шквальный ветер, но под крышей этого дома уютно и тепло.

Мне бы хотелось познакомить читателей нашего альманаха с Ириной. Художники - часто люди немногословные, и чтобы понять их картины, найти их источник вдохновения, надо, зачастую, долго идти вглубь, к самым истокам. Ира родилась в Москве, в самом начале застойного периода, когда уже можно было что-то делать, но еще нельзя было говорить. Вся страна находилась в состоянии нездоровой эйфории, и люди жили в полном отрыве от действительности.

Родители воспитывали Иру по тем временам довольно либерально, в детстве ей разрешалось даже рисовать на стенах, чем она и занималась самозабвенно с первых же дней своего сознательного существования. Именно поэтому ее первые шедевры не дошли до нас. Однако они, видимо, производили достаточно серьезное впечатление на родителей, которые всячески поддерживали в девочке стремление творить. И она писала свои картины. Сотнями. В самых разных стилях и направлениях. С использованием самых разных материалов.

Ее картины всегда отличались от картин окружающих ее художников необычной яркостью, экспрессией. Может быть поэтому преподаватели художественной школы, а позже - факультета прикладного искусства Московского Текстильного института всегда говорили ей, что она "далеко пойдет".

В 1990 году бурная волна перестройки вынесла семейство Шкловеров в Израиль. Здесь к Ире пришло первое общественное признание, ее картины нашли своих покупателей. В Израиле Ира проиллюстрировала множество детских книг и создала изостудию, в которой преподавала основы декоративной живописи и прикладного искусства. Все это время она продолжала искать себя. Она искала свое собственное направление в живописи. Этот поиск продолжался и в Канаде, куда семья Ирины эмигрировала в 1996 году. Поиск был настолько мучительным, что, по признанию самой Ирины, она на несколько лет вообще прекратила рисовать.

Озарение пришло неожиданно, три года назад в Виктории. Вдоволь найдя по музеям и галереям города, она оказалась в неприметном магазинчике, торгующем сувенирами. Среди всевозможной мелкой керамики, маек с видами города Ира увидела парящую

под потолком лягушку. И эта бесхитростная, ярко размазанная деревянная мексиканская игрушка, которую Ирина немедленно купила, послужила стимулом к дальнейшему творчеству. Ира вновь притащила в дом холсты, кисти и краски. Идеи рождались одна за другой, и вскоре возникла серия портретов "Funny people". Это действительно забавные люди, они - нескладные, с неправильными пропорциями, но в них светится душа, счастливая и яркая. Рыбаки, булочники, продавцы книг, моряки, артисты и музыканты. Я бы назвал это не портретами людей, а портретами их душ.

В каждом ее герое видна душа, жаждущая

простоты и естественности. "Наша жизнь слишком компьютеризирована, - объясняет Ирина, - за всей этой техникой человек кажется незаметным". Именно это и стало главной целью ее творчества - воплощение доказательств незаменимости человека, его бессмертной души. "Когда я пишу, - признается Ирина, - я получаю огромный заряд положительной энергии и хочу ее поделить с друзьями".

Звонкие акриловые краски рожают ощущение свежести бытия. Женщины, которых рисует Ира, не являются представительницами каких-либо конкретных профессий, они просто живут в удивительном согласии с окружающим миром. Женщина на ее картинах - это олицетворение дома, дарящего покой, уют и ласку усталому мужу. Герои и героини картин Ирины Шкловер обитают в странном, фантастическом мире. Их окружают красное небо, синяя трава, фиолетовые горы, оранжевые облака... Да, это другой мир, чистый и простой, без технических изысков и, может быть поэтому, способный блистать невиданными красками. Художница создает свою планету и населяет ее людьми и животными, живущими в согласии друг с другом. Голубой носорог, печальная зебра, кошки, которые не стремятся гулять сами по себе, добродушный боа - все они находятся рядом с нами, надо только уметь их увидеть.

"Самое тяжелое - это ожидание, - говорит Ирина, - ожидание новой идеи. После завершения очередной картины обычно ощущаешь необыкновенное облегчение, но, правда, и какую-то опустошенность. Проходит некоторое время, а пустота не спешит заполняться и меня начинает охватывать страх: а вдруг это конец, вдруг больше ничего не будет. Но вскоре рождается новая тема, и снова оживают надежда и уверенность". Вот так, шаг за шагом, картина за картиной выстраивается ее собственная вселенная. И хочется, чтобы она росла и ширилась, чтобы ее волшебный мир освещал и наш - серый, захламленный злобой и человеческим мусором. И чуточку жаль, что нам не дано оказаться в ее красочном мире, что мы можем лишь созерцать его со стороны. Хорошо, что у нас есть память, сохраняющая тепло этих картин долгие и долгие дни. И хорошо, что существуют выставки, на которых мы можем увидеть этих забавных персонажей. Только в одном 2001-ом году у Ирины было несколько выставок: они состоялись в ванкуверском

СТРАНИЧКА ХУДОЖНИКОВ

еврейском культурном центре, в Queen Elizabeth Theatre, в Yucca Tree Cafe, в Ocean Park Library, несколько раз о них рассказывали по канадскому телевидению.

Напоследок я хотел бы дать слово ее мужу, Марку, который все это время, пока я задавал вопросы Ире, ревниво отвернувшись, посматривал в компьютер. Но кому же, как не ему, лучше знать об этом художнике. Его словами я и завершу свое путешествие в солнечное искусство Ирины Шкловер.

Фортуне, Аполлону и жене Ирине

Чертову кучу лет назад судьбе было угодно закинуть меня в одну уютную московскую квартиру, в комнату к одной очень юной и чрезвычайно взбалмошной молодой особе, претендующей если не на хлебниковскую роль "председателя земного шара", то уж на место главного художника планеты - вне всяких сомнений.

Со стен на меня смотрели многочисленные ее работы, выполненные маслом, пастелью, акварелью и просто тушью, соотносить которые с известными мне живописными жанрами не представлялось возможным. Да и, признаться, не знаток я в живописи. Правда, еще вполне беглом знакомстве с искусством Иры, выплыли из тумана памяти образы картин Пиромани, Шагала, Анри Руссо. Наверно, вопиющая фантастичность портретов и пейзажей и явная антиреалистичность сюжетов объединяет этих художников, но объединяет скорее по технике исполнения, чем по эмоциональному со-

"Скрипач", Ирина Шкловер
<http://www.irena/atop.com>

держанию. Ведь самое важное в живописи - это передача настроения, чувства, мысли. Так вот, если в картинах перечисленных выше художников-примитивистов преобладают грусть, тоска и меланхолия, то эмоциональная тональность Ириных произведений всегда находится исключительно в спектре положительных эмоций. Игра цветом, светом, воздухом и тенью приводит к необычному результату: наивность мировосприятия магическим образом трансформируется в духовную составляющую Вселенной - в философию любви и добра. Видимо, заряд волшебной магии в ее картинах оказался такой умопомрачительной силы, что покорил не только мое сердце, душу, печень, почки и прочие органы, но и вызвал помутнение в мозгах, в результате чего, как в таких случаях водится, приключился небесный союз с Ириной и с ее живописными полотнами. Теперь, после почти двадцатилетнего испытания на прочность, я в состоянии не только беспристрастно подтвердить справедливость своих первоначальных восприятий, но и вознести благодарственную молитву госпоже Фортуне - богине судьбы и удачи - за ее несомненную ко мне благосклонность. Те из вас, господа, кто знает цену времени (подумать только, 20 лет - это же даже больше того срока, который бедный граф Монте-Кристо отмотал в застенках мрачного замка Иф), сумеет по достоинству оценить смысл моих слов, когда я признаюсь, что волшебная магия Ириных картин не только не поблекла со времени марша Мендельсона, а проявилась неожиданными гранями в абсолютно новых, неизведанных, но, как всегда, положительных плоскостях и проекциях эстетической перспективы человеческого бытия. Как показывает опыт, жить по соседству с этими картинами светло и уютно. А опыт - критерий истины.

Фархад Эм и Марк Шкловер